

КОНФЛИКТЫ XXI ВЕКА: ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Е.А. Макаренко (Киев)

Глобальная безопасность как фактор международных отношений, влияние которого имеет универсальный характер и учитывается как в деятельности международного сообщества, так и во внешней политике отдельных государств, приводит к радикальным изменениям в поведении международных акторов, к трансформации самой сущности проблемы безопасности после окончания «холодной войны» и распада биполярной международной системы, требует концептуального пересмотра принципов функционирования международных и национальных институтов, отвечающих за глобальную безопасность, а также учета в новых доктринах международной безопасности информационной составляющей. Конфликтогенность глобальных информационных процессов вызывает возникновение новых диспропорций в международной системе: на основе информационных факторов появилась проблема «информационного разрыва» или информационной асимметрии между развитыми и развивающимися странами. К современным реалиям под влиянием двойного использования информационно-коммуникационных технологий, технологий манипулирования массовым сознанием, формирования искривленного информационного поля, деструктивного использования социальных коммуникаций, неопределенности правового регулирования информационной безопасности, информационного терроризма относятся и качественно новое видение архитектуры международной безопасности [1; 3; 6].

Концептуальное видение «мягкой (информационной) силы» в геополитическом контексте характеризуются признанием приоритетности «мягкого доминирования» в противовес применению «жестких» средств воздействия на межгосударственные отношения. Научные теории зарубежных и отечественных исследователей, свидетельствуют, что изменения во всех сферах международного сотрудничества с учетом глобального развития являются отражением новых закономерностей формирования современной мировой системы и обуславливают инновации в международном взаимодействии. Концепция «мягкой силы» впервые была сформулирована американским политологом, профессором Гарвардского университета, представителем теории институционального либерализма Дж. Наем в контексте разработки внешнеполитической стратегии США, что обусловило дискуссии и трансформацию классического понимания «баланса сил». Идея о глобальном доминировании США не только по показателям военной силы и экономической мощи, но и по параметрам «мягкого» (несилового воздействия) на международные отношения была адресована как Администрации Дж. Буша-старшего, так и теоретикам научной школы «политического реализма», которым, по мнению Дж. Наем, следовало бы отказаться от абсолютизации роли «жесткой силы» в мировой политике в условиях завершения биполярной конфронтации и достигать преимущества

через механизмы согласования внешнеполитических акций и привлечения к сотрудничеству международных акторов с учетом общих ценностей [5; 7; 13].

В то же время в зарубежной политологической литературе идут острые дискуссии о теоретико-концептуальном и практически-политическом содержании понятия «мягкой силы» и его трансформации в понятие «умной силы». Концепт «умной силы», с точки зрения Дж. Ная, рассматривается как синтез двух понятий – «жесткой» и «мягкой» силы, предусматривающий рациональное распределение имеющихся ресурсов между этими двумя категориями. Перспектива стратегии «умной силы», считает Дж. Най, отражает эволюцию «силовых» отношений в мировой политике, свидетельствует, что реалии этой политики существенно изменяют международное взаимодействие [14].

Теоретические и прикладные аспекты информационной безопасности находят качественное выражение в типологии, которая включает собственно информационные конфликты (информационно-пропагандистские, информационно-психологические), сетевые конфликты (киберконфликты и конфликты с использованием социальных сетей), интегрированные (гибридные) конфликты, организационные (конструктивно-воздействующие) конфликты [8].

Тип 1. Собственно информационные конфликты, которые предусматривают, с одной стороны, создание системы защиты против любого вида информационного оружия, что обуславливает объективные преимущества в потенциальной информационной войне, а, с другой стороны, использование системы жесткого контроля над информационными вооружениями противника на основании международных документов по информационной безопасности. Аргументы изложены в известном исследовании Дж. Ная и В. Оуэнса «America's Information edge strategy and force planning» (1996 г.), в котором подчеркивается доминирующая роль США в информационной революции, то есть в использовании сверхважных средств коммуникации и информационных технологий (спутникового наблюдения, прямой коммуникации, скоростных компьютеров, уникальных возможностей в интегрировании сложных информационных систем), в политике сдерживания и нейтрализации традиционных военных угроз и новых видов вооружений. На основе предложенной стратегии в военной доктрине вооруженных сил США в конце XX и на перспективу XXI века определены две составляющие театра военных действий – традиционное пространство и киберпространство, основными объектами которого стали информационная инфраструктура и психологическая сфера потенциального противника. На современном этапе эксперты США отмечают, что стратегия информационной безопасности в контексте геополитических интересов Америки заключается в создании модели «информационного зонтика» на основе обмена информацией различного характера, (преимущественно военного), для предупреждения региональных конфликтов и противодействия новым угрозам глобального масштаба [9; 15].

Тип 2. Сетевые конфликты, практическое воплощение которых находим в осуществлении информационных операций против инфраструктуры, электронных масс-медиа, систем формирования общественного мнения, в жестком контроле национального информационного поля, в замене и вынесении информационного пространства за пределы национальной территории с помощью технологий Интернета и создании новой информационной реальности для национальной общности. Так, во время операции «Союзническая сила» в ответ на бомбардировки инфраструктуры Югославии сербские хакеры заблокировали с помощью атаки «ping of death» официальный сервер НАТО, другие военные и правительственные сайты стран-членов альянса сообщениями с макровирусами, что подтвердило прогнозы о переносе военных операций в киберпространство на уровень информационного противоборства. К сетевым конфликтам относят и противоборство мирового сообщества с международной организованной преступностью (террористические группировки), способной контролировать ход политических, экономических, общественных и даже цивилизационных процессов. Возможность такого конфликта предусмотрена в аналитическом исследовании Национального разведывательного совета США «Mapping the global future» – 2020 в сценарии «Цикл страха», который является самым пессимистичным сценарием будущего для мирового сообщества. К такому конфликту можно отнести акции секты «Аум Синрике», которая работала над созданием электромагнитных импульсных «пушек», способных вывести из строя компьютерные системы, проводила эксперименты по созданию новых опасных сетевых вирусов, а также привлекала новых сторонников своей секты с использованием Интернета. В начале XXI века заявила о себе организация «Группа арабского электронного джихада», которая собиралась уничтожить все израильские и американские интернет-сайты, а также все другие сайты, не соответствующие идеологическим и религиозным установкам организации. Активисты организации «Хамас» координируют деятельность боевых группировок в секторе Газа и на западном берегу реки Иордан, поддерживая с ними связь по электронной почте или в Интернет-чатах, что позволяет им снижать затраты на связь и затрудняет борьбу с кибертерроризмом [6; 11]. В этом контексте представляется актуальным размещение Центром стратегических антитеррористических коммуникаций при Государственном департаменте США в социальных сетях ролика «Think Again Turn Away» (2014 г.) с целью противоборства с пропагандой экстремизма. Для сетевых конфликтов XXI века «Арабская весна» (2011 г.), «WikiLeaks» (2011–2012 гг.), «Э. Сноуден» (2013–2014 гг.), «Фейки», «Фотожабы» (2014–2015 гг.) характерно использование социальных медиаплатформ для различных побуждений к действиям как перспективных для национальных интересов, так и деструктивных, направленных на манипуляции массовым сознанием для оправдания противоправных военных конфликтов [10; 16].

Тип 3. Интегрированные (гибридные) конфликты, которые предусматривают создание значительного преимущества в наступательных видах вооружений, в обезвреживании систем защиты государства-противника средствами информационного воздействия. Практическое воплощение интегрированного конфликта наблюдается в информационной операции «Союзническая сила» (1999 г.), которая была осуществлена против Югославии. Большинство экспертов считают, что интегрированные конфликты характеризуются наличием беспрецедентной по масштабам системы управления информационными потоками для проведения военных операций, проведением массированных пропагандистских кампаний с широким спектром информационных методик (от технологий PR для формирования благоприятного мирового общественного мнения, выборочного информирования с заданным эффектом восприятия медиа и интернет-контента до всесторонней дискредитации политики противника, а также откровенной дезинформации мировой общественности), направленным информационно-психологическим воздействием, мощным использованием Интернета для модификации национального информационного пространства и контроля за инфоинфраструктурой. Новые стратегии и тактика проведения информационных операций, продемонстрированные на Балканах, были применены разными международными акторами в конфликтах на Ближнем Востоке, в Афганистане, на постсоветском пространстве (в Грузии, в Украине, Молдове), что свидетельствует о необходимости международного решения проблемы информационной безопасности и принятия соответствующих документов на уровне ООН [3].

Тип 4. Организационные конфликты, которые предусматривают использование возможностей информационных вооружений на отдельных территориях с целью организации внутреннего конфликта между оппозиционными силами (политические, сепаратистские, межнациональные конфликты) и трансформации национального управления. Практическое воплощение организационного конфликта прослеживается в операции «Perestroika» (1980–1990 гг.), которая повлияла на идеологические и управленческие основы бывшего СССР, способствовала утверждению независимости постсоветских государств и установлению западной модели демократии в новых суверенных государствах Центральной и Восточной Европы. Известны также информационные воздействия в организационных конфликтах на Гаити, в Афганистане, Индии, Индонезии, Африке, на Ближнем Востоке, в Грузии, Молдове, на сегодня в Украине. В рамках международной антитеррористической операции «Возмездие» (Афганистан, 2001 г.) США намеревались нейтрализовать и уничтожить всю террористическую сеть, которая угрожала Америке и остальным странам цивилизованного мира, и убедить определенные режимы, поддерживающие политику терроризма в том, что такая стратегия не соответствует их собственным национальным интересам. Информационная война против режима Талибан включала проведение психологической операции в информационном пространстве Афганистана с одновременным

блокированием национальных радиостанций, распространением пропагандистских материалов с отрывками из Корана, рассчитанных на противодействие призывов к джихаду и формирование в общественном сознании ощущения неотвратимой победы антитеррористического альянса и необходимости изменения системы управления в стране [2; 6]. С помощью информационного оружия, как считают эксперты, осуществляется нынешний конфликт России против Украины с целью «направить политику страны в стратегический тупик, измотать экономику, затормозить деятельность оборонной промышленности, опорочить рост общественного самосознания, исказить основы национальной культуры навешиванием ярлыков, создать среди части населения мотивацию нестабильности и противодействия европейскому выбору политикума и гражданского общества Украины» [12; 17].

Информационное измерение конфликтов XXI века обуславливается стратегической направленностью информационных вооружений против критически важных структур жизнедеятельности и функционирования международного сообщества, признанием информационных вооружений как нового глобального вида оружия массового поражения, катастрофического по результатам своего применения (некоторые исследователи называют информационные вооружение «информационным апокалипсисом»), необходимостью создания международного механизма противодействия и предупреждения глобальных информационных войн в рамках политической компетенции международных и региональных организаций по проблемам безопасности и обороны, политических решений на национальном уровне.

1. Бобров, А. Информационная война: от листовки до твиттера / А. Бобров // Pentagonus [Электронный ресурс]. Режим доступа. – http://pentagonus.ru/publ/informacionnaja_vojna_ot_listovki_do_tvittera_2013/105-1-0-2371. – Дата доступа: 01.03.2015.
2. Ведение информационной войны США и их союзниками в ходе операции в Афганистане // Центр стратегических оценок и прогнозов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.csef.ru/index.php/ru/oborona-i-bezopasnost/project/265-the-theory-and-practice-of-information-war/6-raznoe/20. – Дата доступа: 01.03.2015.
3. Главная проблема гибридной войны и стратегия победы в ней // Экономические известия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.eizvestia.com/news_politics/full/884-glavnaya-problema-gibridnoj-vojny-i-strategiya-pobedy-v-nej. – Дата доступа: 01.03.2015.
4. Жовтенко, Т. Информационная война: современное измерение / Т. Жовтенко // 112.UA [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://112.ua/analitika/informacionnaya-voyna-sovremennoe-izmerenie-52999.html>. – Дата доступа: 01.03.2015.
5. Луценко, А.В. «М'яка сила» в сучасній геополітиці / А.В.Луценко, Г.А. Піскорська. – К.: Центр вільної преси, 2011. – 216 с
6. Макаренко, Є.А. Міжнародна інформаційна безпека: концепції, доктрини, стратегії / Є.А. Макаренко // Міжнародна інформаційна безпека: сучасні виклики та загрози / Є.А. Макаренко, В.П. Гондюл, М.М. Рижков та ін. – К.: Центр вільної преси, 2006. – С. 9 – 28.
7. Макаренко, Є.А. Геополітика і прагматика стратегії зміцнення світового лідерства США у XXI столітті / Є.А. Макаренко // Дослідження світової політики. – К.: ІСЕМВ, 2012. – Вип. 4 (61). – С. 3 – 12.
8. Макаренко, Є.А. Інформаційна безпека / Є.А. Макаренко, М.М. Рижков, О.П. Кучмій., О.М. Фролова // Міжнародна інформація: терміни і коментарі / Наукова серія «Міжнародні інформаційні відносини». – К.: Центр вільної преси, 2014. – С. 247–259.

9. Макаренко, Є.А. Інформаційний вимір конфлікту геополітичних інтересів США, ЄС та Росії / І.І. Погорська, Є.А. Макаренко, М.М. Рижков та ін. // Америка і Європа у сучасних міжнародних трансформаціях / Наукова серія «Трансатлантичні дослідження». Монографія. – К.: Центр вільної преси, 2014. – С. 221 – 236.
10. Макаренко, Є.А. Концепт США у глобальних тенденціях розвитку людства: прогнозування і прагматика / Є.А. Макаренко // США і світ XXI століття. – К.: Центр вільної преси, 2013. – С. 94 – 115.
11. Mapping The Global Future. Report of the National Intelligence Council's 2020 Project [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.dni.gov/nic/NIC_globaltrend2020.html. – Date of access: 01.03.2015.
12. Мишин, А. Новая угроза: принуждение Украины к геополитическому самоубийству / А. Мишин // 112.UA [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://112.ua/statji/novaya-ugroza-prinuzhdenie-ukrainy-k-geopoliticheskomu-samoubiystvu-101087.html>. – Дата доступа: 01.03.2015.
13. Nye, J.S. Get Smart. Combining Hard and Soft Power / J.S. Nye // Foreign Affairs [Electronic resource]. – 2009. – Vol. 88, № 4. – Mode of access: <http://www.foreignaffairs.com/articles/65163/joseph-s-nye-jr/get>. – Date of access: 01.03.2015.
14. Nye, J.S. A smarter, more secure America. Report of the CSIS Commission on Smart Power / J.S. Nye, C. Cohen, R. Armitage // CSIS [Electronic resource]. – Mode of access: <http://csis.org/publication/smarter-more-secure-america>. – Date of access: 01.03.2015.
15. Nye, J.S. America's Informational edge / J.S. Nye, W.Jr. Owens // Foreign Affairs. – 1996. – № 75(2). – P. 20 – 36
16. Піпченко, Н.О. Соціальні медіа у структурі зовнішньої політики провідних міжнародних акторів: монографія / Н.О. Піпченко. – К.: Центр вільної преси, 2014. – 334 с.
17. Почепцов, Г.Г. Варианты информационной войны: российско-украинский конфликт / Г.Г. Почепцов // Media Sapiens [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://osvita.mediasapiens.ua/ethics/manipulation/novye_varianty_informatsionnoy_voyny_rossiyskoukrainskiy_konflikt/. – Дата доступа: 01.03.2015.